

Владимир Михайлович АНАШКИН

родился у истоков Чулыма в солнечной Хакасии. Пережил голод, тиф. Затем - колхоз, учеба, война, армия и долгая служба в органах МВД, из них более 25-и лет в северных районах края.

Первое стихотворение написал в семь лет. Это были частушки в живгазету для интернатцев в голодные тридцатые годы:

Увеличили нам пайку -
Оживает вся братва.
Надоели интернатцам
И крапива, и ботва.
- Нам подушки пуховые
Обещают целый год.

Растащили интернатцы
На подушки аж зарод.
Стихи писал всегда. И в стол, и в корзину. Печатали в пятнадцати газетах и одном журнале.

В период войны, в Хабаровске, был близко знаком с известным поэтом Петром Комаровым. Писал военные частушки под карикатурами: Не найти дороги шире - Самураю здесь тупик; Или делай харакири, Или лезь на русский штык.

В Красноярске посещал литературные среды под руководством писателя С.Б. Сартакова. Поэт Е. Евтушенко, когда приезжал в Енисейск, познакомился с его стихами, дал хорошую оценку. Владимир Михайлович считал, что без стихов и Севера его жизнь невысказана: «Они, как наркотики, вошли в мою кровь и плоть».

стр.1

ДЕТСКИЙ ИНСПЕКТОР

Всегда прическа аккуратная,
Погоны золотом горят.
Она идет такая статная,
И в светлый мир ведет ребят.
А детвора сияет лицами,
И уж теперь во все глаза
Глядит на тетю из милиции -
Она им больше не гроза.
Не раз за детскою беспечностью

Смогла почувствовать беду.

И с материнскою сердечностью
Свою дарила доброту.

И не пустые были хлопоты
На стыке школы и семьи...

Шагал пацан из детской комнаты,
Миную грани той скамьи.

А это все дается дорого,
Был вложен в каждый «вариант»
Юриста опыт, дух психолога,
Педагогический талант.

Чтоб беды все в душе израненной
Зарубцевались навсегда,

Чтоб настоящим россиянином
Он стал на долгие года.

Всегда прическа аккуратная,
Погоны золотом горят...

Она идет такая статная,
И в светлый мир ведет ребят.

ЗАРИСОВКИ

Вышла бабка из церквушки,

В одеянье небогатом,

И такую же старушку

Обложила диким матом.

Просто так. Для связи речи,

Невдомек, что это дурно...

Два парнишки шли навстречу -

Тоже крыли нецензурно.

Засияла бабка ликом,
Протянув навстречу руки.
Те парнишки с матом диким
Оказались ее внуки.

СТИХОТВОРЕНИЯ ДЕТЯМ

Кто на кухне утром рано

Тихо воду льет из крана?

Слышно, как гремит посуда,

Аромат идет оттуда.

Может там проснулась мышка

И играет, шалунишка?

стр.2

Мы на кухню заглянули -
Никакой там мышки нет.
Это добрая бабуля
Нам готовила обед.
Затаилась бабушка
С иглами в сторонке -
Пухленькие варежки
Вяжет для Аленки.
* * *

Ходит Топа по двору
И встречает детвору.
К Топа наша детвора
Со всего бежит двора.
* * *

Черной мухе быстрокрылой
Маша форточку открыла.
И она по светлым залам
Закружилась, зажужжала.
Залетела на компот,
На варенье и на мед.
На стаканы и на вазы
Понесла она заразу.
Забралась братишке в кашу
Укусила за нос Машу.
Напиталась, напилась -
Снова в форточку взвилась...
А у Маши нос распух -
Не пускай в квартиру мух.

НИЩИЙ?...

Вот он, доморощенный наш нищий,
Возле всем известной «Бирюсы»
Ради водки, но не ради пищи
Здесь проводит долгие часы
Мимо в магазин идут зеваки,
Богатеи смотрят свысока
И бросают денежные знаки
В старую шапочку старика.
Он пока в ободранной тужурке,
Как всегда, привычно полупьян,
Заодно бутылки и окурки
Грузит в свой объемистый карман.
Он берет деньгами, а не хлебом -
Пенсии хватает на еду.
За чертою бедности он не был,

стр.3

Он освоил жадности черту
Телевизор вечером включает.
Смотрит «Санта-Барбару»
сквозь сон.

И с большой «подачки» вместо чая
Водочку потягивает он
А потом валяется в подушках,
Все, что надо, у него все есть...
Он не нищий - просто побирушка,
Пьяница, пропивший стыд и честь.
Утром к магазинному порогу,
Как на службу, поспешает он.
Выглядит блаженно и убого...
И в шапочке вновь
«орлянок» звон.

СОН СТАРИКА

Допивает последние капли,
И в кармане уже ни гроша.
И трясущие руки озябли,
И совсем холодеет душа.
Ничего он от жизни не просит,
И не ждет от природы чудес...
Наступила глубокая осень -
Обнажился безвременно лес.
Одиноко он смотрит в окошко
И слезятся от света глаза...
Кто-то в черном идет по дорожке -
За спиною сверкает коса...
Промелькнули житейские будни,
Сколько было надежд и потерь...
Скоро, скоро неведомый путник
Постучится в открытую дверь.
Может, будет он рад этой встрече.
Все невзгоды закончатся вмиг...
Тихо гаснут оплывшие свечи,
И навек засыпает старик.

Памяти жертв незаконных репрессий

МИНУСИНСКАЯ РОЩА

Здесь витает дух поры далекой.
Заросли могильные холмы.
Только эти сосны за протокой
Все стоят, как стражи, у тюрьмы.

Будто гул стоит
предсмертных стонов,
Разрывая тайну тишины,
Пролетают, каркая, вороны
В ожиданьи корма и весны.
Цвета крови зори Минусинска
Освещали год тридцать седьмой.
По утрам туман спускался низко
И гремел затворами конвой,
Грубостью приговоренных края,
Надзиратель отпирал замки...
Выходили рано тесным строем
И кругом щетинились штыки.
В роще шла последняя работа,
Вырастали бугорки земли...

Взмах руки и...
«По врагам народа».
Роща замира... «Залпом пли!»
Вспышки залпов обрывали песню...
И до слуха ветер доносил
Звук паденья тел в глухую бездну
Смертниками вырытых могил.

Вновь над ними выростали горки,
На шестах писались номерки,
А уставший взвод курил махорку,
Протирая ветошью штыки.
Взводу мало времени до сборов -
Ждут другие партии в ночи.
Много сотен смертных приговоров
Подписали где-то палачи.

А солдатам после каждой ходки,
До команды новой: «Становись!»,
Говорят, что подавали водки,
Чтобы руки в роще не тряслись.
Годы шли, и жизнь текла,
как прежде,

Енисей блистал голубизной.
И немного теплится надежда
Встретиться с хорошою весной.
Сосен малахитовая корона
Скупно пропускает белый свет...
Вот опять закаркала ворона,
Как свидетель тех кровавых лет.

